

Бездонный мешочек стремительно наполнялся сокровищами. Вскоре внутри выросла целая гора редких артефактов, от вида которой у Не Гэнланя буквально перехватило дыхание. Самому ему, пожалуй, не удалось бы скопить подобное богатство и за несколько жизней.

Видя, как Бэймин Шо без усталости запихивает в мешочек всё новые ценности, Не Гэнлань не выдержал и окликнул его:

— Старший брат Бэймин, что ты делаешь?

Тот, продолжая вполголоса перечислять названия магических предметов, обернулся и ошарашил его ответом:

— Всё это для тебя, младший брат. У меня лишь одна просьба: пообещай, что исполнишь её, ладно?

Не Гэнлань совсем растерялся, не понимая, к чему эта внезапная щедрость.

— Старший брат, я всего лишь безвестный ученик внешнего круга, а ты уже достиг стадии Трансформации души. Чем я могу тебе помочь?

— Ещё как можешь! — Бэймин Шо сунул в мешочек флакон с первоклассными пилюлями очищения души и пламени Ли и решительно посмотрел юноше в глаза. — Младший брат, умоляю, не соглашайся идти в услужение к Дугу Цанмяну. Считаю, что этим ты окажешь мне величайшую услугу!

Не Гэнлань задумчиво повторил незнакомое имя:

— Дугу... Цанмян? Старший брат имеет в виду Истинного владыку Дугу?

Бэймин Шо до скрипа сжал кулаки, на его лице отразилась глухая ярость.

— Да, этого мерзавца, чтоб ему пусто было! Да я его... — он вовремя прикусил язык и сердито добавил: — В общем, у меня с ним свои счёты!

Не Гэнлань опасливо огляделся по сторонам и прижал палец к губам:

— Тихо, старший брат. Нас могут услышать.

Осознав, что погорячился, Бэймин Шо пристыженно понизил голос:

— Прости, чуть не навлек на тебя беду. Впредь буду держать язык за зубами.

— Вот именно. Тебе не стоит кричать об этой вражде на каждом углу, — покачал головой Не Гэнлань. — О дурном нраве Истинного владыки Дугу в ордене никто не поговаривает. Может, между вами просто вышло недоразумение?

— Какое ещё недоразумение?! — вспыхнул Бэймин Шо, вновь сорвавшись на крик, но, заметив испуг в глазах юноши, тут же взял себя в руки и напустил на себя беспечный вид. — В общем, просто верь мне. Я тебе зла не желаю.

Не Гэнлань нахмурился, чувствуя подвох.

— Если Истинный владыка Дугу действительно коварен и опасен, почему ты не открыл глаза Главе Школы или другим владыкам? И почему рассказал об этом именно мне?

Реакция Бэймин Шо оказалась на удивление бурной:

— Разумеется, я должен сказать это именно тебе! Ведь в будущем ты поделишь со мной одну обитель, и мне меньше всего нужно, чтобы этот ублюдок вился где-то поблизости!

Он выпалил это на одном дыхании и лишь мгновение спустя понял, что сболтнул лишнего. Его уши мгновенно залила густая краска, и он отвёл взгляд, страшась посмотреть на Не Гэнланя.

— Старший брат, что ты только что сказал? — ровным голосом переспросил юноша.

Тот в растерянности завертел головой, не зная, куда деваться от стыда.

«Вот же беда... — мысленно выругал себя Бэймин Шо. — Ещё даже не завоевал его, а уже выложил всё, что было на душе».

Пока он лихорадочно соображал, как выкрутиться из щекотливого положения, Не Гэнлань обрушил на него новый удар:

— И ещё... Откуда у тебя в Школе собственная обитель? Старший брат, кто ты такой на самом деле?

Бэймин Шо не ожидал от юноши такой проницательности. Поняв, что загнан в угол собственной неосторожностью, он окончательно растерялся, занервничал и принялся невнятно лепетать:

— Я... Ну... Я имел в виду...

Не Гэнлань лишь приподнял бровь, безмолвно призывая к ответу.

«Проклятье! Язык мой — враг мой, — мысленно взывл Бэймин Шо. — Не могу же я признаться, что обитаю на пике Почтенного меча Цинхуна, величайшего и могущественнейшего мастера в нашей Школе! Как выпутаться из этого вранья?»

— Старший брат Бэймин, — голос Не Гэнланя сделался холодным, — так кто ты?

Ранее Не Гэнлань не сомневался в личности своего собеседника, однако теперь несостыковки стали слишком очевидными. Старейшины на стадии Зарождения души действительно имели право на собственные уединённые пики, но среди рядовых учеников такого отродясь не бывало. К тому же Бэймин Шо с самого первого дня в ордене выдавал себя за простого послушника.

Пока Бэймин Шо судорожно искал объяснение, его внезапно осенило:

— Ладно, не стану больше скрывать, — заговорщицки произнёс он. — Младший брат, на самом деле я личный ученик Истинного владыки Юаньдэ. Если мы станем спутниками на пути самосовершенствования, я, разумеется, смогу забрать тебя на пик моего наставника и обустроить для нас отдельную обитель.

— И что, ученикам, обретшим спутников Дао, позволено и дальше жить на пике учителя? — недоверчиво прищурился Не Гэнлань.

Под пристальным взглядом юноши Бэймин Шо неловко кашлянул:

— Ну... Кожа у меня на лице толстая, так что мне можно. К тому же учитель держит меня в строгости, оттого я и не могу навещать тебя так часто, как хотелось бы.

«Смешно сказать! Мне, наследнику великого владыки драконов, по статусу положено жить исключительно на вершине пика могущественного Почтенного меча Цинхуна!»

— Вот как? — протянул Не Гэнлань.

— Разумеется! Стоит лишь поспрашивать, и тебе подтвердят: мой наставник — суровейший человек. Я и до стадии Зарождения души добрался лишь благодаря его суровым пинкам.

Не Гэнлань не стал развивать тему, и между ними повисло неловкое молчание. Юноша внимательно посмотрел на Бэймин Шо и мягко, но твёрдо произнёс:

— Старший брат, я уже говорил, что между нами ничего не будет. Тебе не стоит загадывать так далеко.

Облегчённо выдохнув от того, что расспросы прекратились, Бэймин Шо слабо улыбнулся:

— Не руби с плеча, младший брат. Кто знает, быть может, однажды ты сам захочешь перебраться в мою обитель.

Не Гэнлань невольно усмехнулся, покачав головой:

— А тебе не занимать уверенности, старший брат. Но этому не бывать.

С этими словами он развернулся, собираясь уйти. Однако Бэймин Шо преградил ему путь, настойчиво протягивая мешочек вселенной:

— Тогда пообещай мне хотя бы то, о чём я просил. Держись подальше от Дугу Цанмяна, хорошо?

Не Гэнлань лишь сдержанно кивнул и, не оборачиваясь, направился к ожидавшему поодаль Сюй Тяньтяню. Махнув ему рукой, он пошёл прочь в компании приятеля.

Сюй Тяньтянь с любопытством оглянулся на Бэймин Шо, который сиротливо застыл позади, провожая их тоскливым взглядом, и зашептал:

— Ну что, старший брат Шо опять увивался вокруг тебя? Что на этот раз принёс?

Не Гэнлань обыденным тоном ответил, что тот пытался всучить ему целый мешочек вселенной, набитый магическим оружием и ценными артефактами.

Сюй Тяньтянь чуть язык не прикусил от изумления и потрясённо вытаращился на него:

— Пресвятые небеса! Целый мешок первоклассных артефактов и редких пилюль? Да ты бы в один миг стал богаче любого старейшины, если бы принял их!

— А взамен что? Отдать тебя ему в качестве спутника Дао? — парировал Не Гэнлань.

Сюй Тяньтянь закашлялся, подавившись воздухом:

— Кхм-кхм... Вот уж уволь, я по девочкам. Но старший брат Шо действительно чертовски богат! И ухаживает с поистине царским размахом. Иные адепты годами в ордене горбятся, а и половины таких сокровищ не наскребут. Сегодня я прямо-таки прикоснулся к роскоши.

Он замолчал на мгновение, после чего искоса взглянул на друга:

— Юный друг Не, если тебе по душе мужчины... Может, стоит согласиться? С его поддержкой твой путь совершенствования пойдёт куда быстрее. По крайней мере, стадии Очищения ци и

Возведения фундамента проскочишь без малейших усилий...

— Сюй Тяньтянь, — предостерегающе прервал его Не Гэнлань, и в его голосе проступили ледяные нотки.

Тот шутливо прикусил язык:

— Ладно-ладно, молчу. Идём скорее.

Несколько дней пролетели как один миг.

Хотя попытки направить ци в тело продвигались со скрипом, Не Гэнлань до единого слова вызубрил «Сборник летописей Школы Духовных Звуков». И это несмотря на то, что Чжан Тао едва ли не ежедневно заявлялся в бамбуковую рощу, строя ему пакости и мешая сосредоточиться.

Накануне экзамена, закончив с вечерним туалетом, Не Гэнлань прихватил деревянный таз и отправился на задний двор стирать бельё.

На дворе стояло начало десятого месяца, приближалась пора Холодных рос. На севере Материка Струящейся Луны, где раскинулись владения Школы Духовных Звуков, уже вовсю хозяйничала осень. По ночам же в горах становилось невыносимо холодно — ледяной ветер пробирал до самых костей.

— Апчхи!

Не Гэнлань шмыгнул носом. Его ладони, погружённые в ледяную воду, покраснели и онемели от холода, но он упрямо закончил стирку и развесил чистое бельё на верёвке.

Для новобранцев, ещё не обретших духовную энергию, горный климат был суровым испытанием. Без тепла внутри приходилось спасаться лишь плотной одеждой да одеялами.

Закончив дела под тусклым светом луны, юноша потёр окоченевший кончик носа и побрёл обратно в жилой павильон.

Завтра предстояло испытание.

«Если сумею выиграть Огненную жемчужину пламени, пережить суровые зимние холода на этой вершине будет куда проще...»

С этой сонной мыслью он поглубже зарылся в одеяло и уснул.

Наступило утро экзамена.

В небе едва брезжил рассвет, и тусклые звёзды ещё не успели растаять в предрассветной дымке. Не Гэнлань решительно выбрался из нагретой постели и по привычке потянулся к тумбочке у изголовья, где должна была лежать его одежда.

Однако его ладонь нащупала лишь пустоту — аккуратно сложенного облачения ученика на привычном месте не оказалось.

Остатки сна мгновенно улетучились. Вглядываясь в серые сумерки, пробивавшиеся сквозь бумажные окна, Не Гэнлань принялся судорожно шарить руками по полу и под кроватью.

Тьма рассеивалась, но одежды нигде не было. В комнате царила тишина, нарушаемая лишь мерным сопением спящих Чжан Хупо и Вэй Си.

Нахмурившись, Не Гэнлань тихо выскользнул наружу и поспешил на задний двор к бельевой верёвке. Но и там его ждала лишь пустота — выстиранное накануне одеяние пропало. Зато на земле сиротливо чернел огромный деревянный таз.

С нехорошим предчувствием юноша бросился к тазу и замер: внутри, в ледяной воде, бесформенным комом мокло его платье.

Его взгляд мгновенно заледенел. Выудив мокрый ком из воды, он понял, что негодяи не ограничились вчерашней стиркой. И то одеяние, что лежало у кровати, и запасное, хранившееся в шкафу — всё было безжалостно утоплено в тазу.

Школа выдавала новобранцам всего три комплекта одежды, и теперь все они превратились в ледяные тряпки именно в день экзамена. Сомневаться в том, чьих это рук дело, не приходилось.

Стоя в одном тонком исподнем на пронизывающем ветру, юноша вздрогнул всем телом, а его лицо потемнело от ярости.

«Они хотят сорвать моё участие в испытании».

Холодная, ясная мысль обожгла разум. Без тёплого, подбитого мехом халата он не продержится на горном ветру и четверти часа — либо свалится с жестокой лихорадкой, либо просто окоченеет так, что пальцы не смогут удержать кисть.

Похоже, мелкие пакости Чжан Тао в бамбуковой роще были лишь разминкой перед настоящим ударом.

Зуб на зуб не попадая от холода, Не Гэнлань поспешил обратно в спальню. Он решил достать из мешочка вселенной одежду, купленную в Городе Далёкого Журавля — у него там оставался неплохой защитный халат среднего ранга, способный уберечь от любого мороза.

Однако, перерыв весь мешочек вселенной, он не обнаружил ни этой вещи, ни даже самого простого, низкорангового наряда.

На этот раз его сердце окончательно провалилось в бездну. Бросившись к тумбочке, он убедился в худших опасениях: даже серебряный венец для волос бесследно исчез.

Когда солнце окончательно взошло, комната наполнилась сонной вознёй. Заметив, что Не Гэнлань всё ещё лежит в постели, Чжан Хупо удивлённо спросил:

— Юный друг Не, а ты чего разлёгся? Разве тебе не нужно повторить летописи перед испытанием?

Не Гэнлань плотнее завернулся в одеяло и глухо ответил, не поворачивая головы:

— Мне нездоровится. Идите без меня.

— Ну ладно, поправляйся. Мы тогда в трапезную, — бросил Вэй Си.

Адепты наспех умылись и гурьбой покинули жилой павильон.

Едва за ними закрылась дверь, Не Гэнлань со вздохом перевернулся на спину. На рассвете он попытался связаться с Сюй Тяньтянем с помощью талисмана передачи звука, но без капли духовных сил поделка с Пика целебных снадобий оказалась бесполезным куском бумаги. Ему оставалось лишь лежать в постели, сохраняя остатки тепла.

Главное — добраться до учебного зала вовремя и надеяться, что окоченевшие пальцы смогут удержать писчую кисть.

Время неумолимо шло к началу экзамена. Рассудив, что тянуть больше нельзя, Не Гэнлань стиснул зубы и выбрался из-под одеяла. Ледяной воздух мгновенно впился в беззащитное тело, заставив его мелко задрожать.

Недолго думая, он сорвал с постели плотное одеяло и набросил его на плечи на манер плаща. Из-за отсутствия серебряного венца пришлось наспех перевязать волосы обрывком какой-то ленты, собрав их в небрежный высокий хвост. В таком диковинном виде, кутаясь в одеяло, он и

вышел во двор.

На лужайке возле Обитали Разносящихся Звуков, как и всегда, дремали ездовые журавли. Завидев юношу, один из них расправил крылья и плавно скользнул к нему навстречу, не дожидаясь, пока тот подойдёт.

Не Гэнлань выпростал руку из-под одеяла и ласково погладил птицу по длинной гибкой шее:

— Тоже удивлён моему наряду? Будь другом, отнеси меня на Пик Духовного Единства к старейшине Ху. Сегодня там сдают экзамен.

Журавль послушно потёрся клювом о его ладонь и присел на траву, подставляя спину.

Устроившись на широкой спине, юноша поплотнее запахнул своё шерстяное укрытие:

— Летим.

Птица издала звонкий клич, взмахнула мощными крыльями и взмыла ввысь.

Сегодня старейшина Ху повелел всем собраться на Пике Духовного Единства. Путь от Пика Чудесных Звуков занимал от силы половину благовония, но по воздуху это было суровым испытанием. С высоты полёта Школа Духовных Звуков представала во всём своём величии — среди клубящихся облаков высились величественные вершины.

Однако Не Гэнланю было не до созерцания красот: свирепый ветер резал глаза и пробивал одеяло насквозь. Юноша кутался изо всех сил, но его губы уже посинели от холода. Держаться на лету становилось всё труднее — одной рукой приходилось судорожно сжимать края одеяла, другой цепляться за шею птицы, и всё это с зажмуренными от слепящего ветра глазами.

В этот час другие ученики, должно быть, уже вовсю собирались на Пике Духовного Единства.

«Я обязан успеть», — упрямо повторял он про себя.

Вдруг из-за облаков, подобно падающей звезде, вынырнул летящий меч и в мгновение ока поравнялся с журавлём.

Не Гэнлань, и без того выбившийся из сил в борьбе со стихией, невольно вздрогнул. На сверкающем клинке, выпрямившись во весь рост, стоял незнакомец и бесстрастно взирал на него сверху вниз.

С виду пришелец казался самым обычным человеком со смуглой кожей, однако осанка его,

напоминавшая вековую горную сосну, и пронзительный, глубокий, как застывший ледник, взгляд выдавали в нём незаурядную личность. От этого безмолвного мужчины веяло пугающим, суровым величием.

Не Гэнлань на секунду засмотрелся, пальцы соскользнули с перьев журавля, и он едва не потерял равновесие. Пытаясь удержаться, он невольно разжал вторую руку. Порыв ветра тут же подхватил край одеяла и с шумом сорвал его с плеч юноши, унося в туманную бездну.

— А-а! — вскрикнул Не Гэнлань.

Оставшись в одном тонком исподнем, он почувствовал, как ледяной воздух тысячью игл впился в его кожу. Тряпичная лента лопнула, и его волосы густым тёмным водопадом рассыпались по плечам, дико и неистово развеваясь на ветру. Единственное, что ему оставалось — мёртвой хваткой вцепиться в шею верного журавля.

О, холод был невыносимым.

Глаза слезились и не открывались от ветра, сквозь стучащие зубы с трудом прорывался бессвязный шёпот:

— Экзамен... я должен успеть...

Внезапно незнакомец на мече скользнул вплотную к летящей птице, и его ледяной голос, от которого, казалось, кровь стыла в жилах, прозвучал прямо над ухом:

— Прекрати. Свалишься с лихорадкой.

Не Гэнлань, не знавший этого человека, почувствовал укол досады. Если бы не глупое появление этого наглеца, одеяло осталось бы при нём! Но сил спорить не было, и он лишь крепче сжал искусанные губы.

Слабое от природы тело уже начало сдаваться под натиском стихии. Юноша чувствовал, как его лоб горит, в то время как конечности коченели. Его бросало то в жар, то в холод, и эта пытка казалась бесконечной.

В отчаянии он повернул голову к летящему рядом мечнику. Когда он попытался заговорить, его зубы застучали с такой силой, что слова превратились в невнятный хрип:

— Ст-старший... б-брат...